

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

Е.В. Иванцова

СНИЖЕННЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОГО ЛАНДШАФТА СРЕДНЕОБСКОГО РЕГИОНА: СОСТАВ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В РЕЧИ НОСИТЕЛЯ ТРАДИЦИОННОГО ГОВОРА

Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Анализируется пласт сниженных языковых средств в спонтанной речи носителя среднеобского старожильческого говора. С учетом вербальных и невербальных показателей сниженности, проявляющихся в процессе коммуникации, определен состав этих единиц, описаны их основные группы (обценная лексика и фразеология, бранные необценные элементы, скатологизмы, злопожелания, отдельные компоненты синонимических рядов) и функциональные особенности в дискурсе сибирской крестьянки.

Ключевые слова: сниженная лексика и фразеология; среднеобский регион; языковой ландшафт; диалектная языковая личность

В последние десятилетия, наряду с вопросами нормализации языка, обострился интерес к некодифицированным языковым средствам в повседневной речевой практике: публикуются словари сниженной лексики и фразеологии, стали рассматриваться в данном аспекте дискурс студентов и школьников, конфликтные ситуации и их вербальный компонент [1–5]. Вместе с тем сниженные единицы в силу ориентации социума на следование норме и негативного отношения к ее нарушению изучены значительно меньше, чем кодифицированные элементы. Важность исследования данной сферы связана с общими проблемами речевой культуры народа, несомненно, актуальными в наши дни.

Наиболее активно изучается в этом плане речь носителей литературного языка – прежде всего письменная (художественные тексты, язык СМИ или интернет-коммуникация). Устная спонтанная речь, особенно в бесписьменных подсистемах, – труднодоступный и в то же время значимый источник изучения дискурсивной практики представителей этноса. С развитием лингвоперсонологии исследование этого объекта стало осуществляться через обращение к идиолектам конкретных индивидов, отражающих языковые особенности различных страт или локусов социума. Наряду с работами, в которых анализируются отдельные группы сниженных средств общенародного языка [2, 6, 7] и местных говоров [8–10], отметим первое системное описание таких единиц в идиолекте просторечной языковой личности [11].

Цель данной статьи – анализ состава и функционирования сниженной лексики и фразеологии языковой личности (ЯЛ) диалектоносителя. До настоящего времени подобная задача лингвистами не ставилась. Работа выполнена в рамках описания культурного и языкового ландшафта обского региона Сибири [12].

Исследование опирается на авторский архив, представляющий непринужденную речь сибирской крестьянки В.П. из Томской области, 1909 г. рождения, малограмотной. Включенное наблюдение над языковым существованием индивида осуществлялось

в течение 24 лет (1981–2004 гг.). Материалы отражают личностное общение информанта не только с диалектологом, но и с односельчанами, родственниками, знакомыми. В качестве дополнительного источника привлекался созданный на основе текстового архива «Полный словарь диалектной языковой личности» [13].

Понятие сниженных единиц языка не имеет на сегодняшний день четкой формулировки и критериев выделения. В самом распространенном варианте их трактовка подразумевает «употребление как собственно разговорных, так и более грубых обозначений, а также находящихся за пределами литературного языка диалектных, просторечных, жаргонных и обценных слов и устойчивых оборотов, образующих стилистически сниженные пласты лексики» [2. С. 3].

Очевидно, что в речи носителей диалектов критерии сниженности языковых единиц и их состав значительно отличаются от названных. В отличие от литературного языка, здесь нельзя говорить об отнесенности всех «нестандартных» элементов к сниженным: жаргонизмы для традиционных говоров нетипичны, а многие диалектные и диалектно-просторечные лексико-фразеологические единицы (ЛФЕ) в них нейтральны. Здесь «точкой отсчета» при выявлении сниженного является не литературная норма, а нормы диалекта. Они не закреплены в письменных текстах и словарях, но базируются на общем принципе следования правилам речевого этикета, тесно связанным с этическими нормами сельского социума, поддерживаются через устную традицию и отражаются диалектоносителями в проявлениях метаязыковой рефлексии.

Пласт разнородных сниженных языковых средств в диалекте, на наш взгляд, объединяют такие признаки, как «выражение говорящим неодобрения кого-либо», «грубость используемого слова» и «нарушение этикетной нормы».

Адекватное определение этих признаков в составе средств диалектного дискурса для исследователя представляет значительные сложности, обусловленные, с одной стороны, типологическими особенностями ЯЛ диалектоносителя и владеющего литера-

турным языком лингвиста (закономерны различия среды их формирования, неполное совпадение идиолексиконов, значений и коннотаций ЛФЕ), с другой – особенностями живой устной речи, для которой типична вариативность смыслов, отражающих как узкую многозначность слов, так и ситуативные речевые наслонения.

Помогают выявлению интересующих нас единиц в условиях включенного наблюдения знание ситуаций их употребления и отношений ЯЛ с коммуникантами, представление собирателя о лексиконе информанта и его стилевой организации. Важным подспорьем при диагностировании сниженности языковых средств являются метатекстовые комментарии (содержащие суждения о нормах словоупотребления, оценке тех или иных единиц) и скрытые метапоказатели (просодические признаки, эллипсис сниженного элемента или замена его на нормативный, замещение эвфемизмом, формулы извинения и др.) [14] в спонтанной речи представителя традиционного говора. Учитывались также ограничения их использования при общении с разными типами собеседников.

В сферу сниженных ЛФЕ диалектоносителя с учетом названных показателей входят обсценизмы, бранные слова и фразеологизмы необсценного характера, скатологизмы, злопожелания, а также отдельные лексемы, не составляющие целостного объединения.

Остановимся подробнее на каждой из перечисленных групп.

1. Обсценные единицы (обсценизмы) понимаются в данном исследовании в узком смысле термина – как грубая, непристойная брань, в повседневном обиходе носителей языка имеющая наименование «мат» [15].

В речи информанта отмечены единичные случаи вербализации шести обсценных слов и выражений с корнями *n**д-*, *е*-* и *б**дь*, причем пять из них (84%) являются цитатным употреблением высказываний других лиц. Фактически в личный лексикон диалектоносительницы входит только одна лексема с первым из перечисленных корней.

В идиолекте крестьянки обсценизмы отличаются максимальной степенью сниженности. На это указывают наибольшее число ситуаций, в которых ограничивается их употребление, и высокая частотность рефлексивных высказываний.

В метатекстах прочитывается ненормативность озвучивания обсценных единиц родителями и их детьми в присутствии друг друга: *Надо же, прямо никого, сына не стесня'тся [используя мат]. Я при Мише [сыне] – ой, боже избавь, и он при мне никогда не матерился. Ра'зи можно.*

Неоднократно встречается у исследуемой ЯЛ неодобрительная оценка мата в детской речи как грубое нарушение этических норм. Она не оставляет без внимания обсценизмы, услышанные от маленьких детей, и пытается внушить им неправомочность использования табуированных слов: *Я говорю: «Ирочка, а ты знаешь, это како' слово?» – «Знаю». – «Ну како'?» – «Матерши'нно». <...> «Да ты же девочка, да разве можно эти слова говорить! Нельзя, говорю, так, Ирочка, нельзя так говорить!» Во второй класс перешла; Ну ему [мальчику] только ешо с июля тре-*

тий [год]. Ой, отчаю'га! Матерится прям. <...> Я говорю: «Не буду тебе стряпать пироги, ничё дават'».

Запрет на употребление обсценизмов связан и с институциональным общением; нарушающий его характеризуется информантом как лишившийся рассудка: *«Вот-вот-вот-вот-вот...», матерится... [больной старик] <...> всё они вызывают ско'ру там да каку'... врача на дом. А он [врач] гыт: «Не видывал таких людей: говорить ничё не говорит, а матерится!» <...> прям-на'прям говорит! <...> Ну мале'нько всё равно, наверно, это... помешанный.*

Ограничение распространяется и на бытовой дискурс, если в коммуникативной ситуации присутствуют посторонние: *Ой! Крошко' здесь был, Гутя была... по-моему, Гутя была. <...> Она [сожигательница соседа] пришла, как давай материться! <...> Я сижу на этом месте – ну сама не своя. Она меня – матерится прям, да на' три буквы, и не стесня'тся Крошко', ешо п'я'ньенка была... <...> Ой-вой-вой. Так она материлась, не постеснялась его.* Как видно из контекста, рассказчица переживает прежде всего из-за того, что ненормативная лексика прозвучала при городском знакомом Крошко, при этом никак не комментируя присутствие соседки Гути.

Таким образом, в речевом кодексе крестьянки использование обсценных единиц ограничивается множеством факторов, в числе которых – семейные связи, возрастные характеристики коммуникантов, общение в официальных условиях и в присутствии «чужих». В то же время в некоторых случаях эпизодическое употребление обсценизмов воспринимается носителем традиционной народно-речевой культуры как допустимое. Оно отмечено в рамках дружеского бытового общения с близкими собеседницами¹. Чаще всего такие единицы используются с целью документальной передачи чужой речи, поскольку типичный для диалектоносительницы рассказ в лицах предполагает установку на максимально точное воспроизведение высказываний за действовавших в ситуации участников.

Приведем фрагмент полилога информанта с регулярно общающимися односельчанками: *Ф.Г. Галоши продавали. А.П. Это в магазине? В.П. У меня де-то но'веньки галоши лежат. А.П. От не брали, было всё дешёво и не брали. В.П. Не верили. А.П. Не верили, правда. Что така' це'н... цена' бу'ит. На всё. В.П. У Людды хоро-оше покрывало! А я говорю: «Ой, како' покрывало у тебя хоро'ше!» А она гыт: «Ауа, гыт, хоро'ше». Сказала, како' цена-то. А этот говорит, Натол'лий [муж Людды]: «От, надо было брать не два, а надо было четыре взять!» Людда молчит, а он ушёл, она: «О'споди, “взять, взять!” А деньги де? в п**де были!» – Людда. Р.В. Тогда' и деньги всё равно дороги' были. В.П. И деньги дороги' были. Она и говорит.*

Как можно видеть, информант воспроизводит высказывание родственницы, содержащее обсценное слово. Обратим внимание на то, что наряду с цитацией чужой речи рассказчица отражает один из прецедентных текстов со сниженным компонентом, в целом типичных для диалектно-просторечной речевой среды. В данном случае племянница В.П. употребляет рифмованную присказку с обсценизмом, подразуме-

вающую в этом контексте отсутствие денег. Явных или скрытых показателей осознания сниженности паремии у беседующих женщин не наблюдается.

Зафиксирован также эпизод, в котором диалектоносительница, обидевшись на подругу, позволила себе высказать ей в лицо упрек с табуированной лексемой, что привело к разладу в их отношениях. Переживая случившееся и признавая свою вину в конфликте, ЯЛ в то же время считала ее не слишком значительной: давняя дружба с односельчанкой, в ее представлении, давала говорящему право на сниженное языковое средство без проявления речевой агрессии: *Ну... мне кажется, я не ши'бко виновата. Ну я прямо... хоть бы со зла я [так сказала]!*

Упоминание мата в катаргической функции (как разрядки психологического напряжения) [6. С. 121] встретилось также в доверительном повествовании о ситуации, когда никто не помог крестьянке выкопать картошку на огороде: *А тут, тут уж одна всё копала. Помале'ньку. Копая, копаю. Матери-илась [смеётся]. Копала, дак не таскала, поставила. Думаю, Коля придёт, А Коля куда'то ушёл. Ну, в о'бчем, не пришёл он. Ну, никого нету. Всегда от прямо народ и народ, а тут никого нет приташишь. Пойду, да думаю: о'споди, мешки-то таки' таскала, а счас ведро картошки не могу ташишь. То покопаю, дак поясница отпа'дывает, ой. Смех при слове матери-лась смягчает грустный рассказ, в подтексте которого – негативные чувства, вызванные одиночеством и старческой беспомощностью.*

В обоих случаях у говорящего нет намерения унижить, оскорбить адресата; обценная брань порождена обидой, является эмоциональной реакцией вследствие недовольства чьими-либо поступками.

В условиях меньшей близости коммуникантов при цитатной передаче чужих слов и паремий со сниженными элементами информантом используются приемы вуалирования табуированных единиц: понижение тона голоса (*с соседом-односельчанином:*) *Он [ребёнок] меня дак ненавидит. Я приду к ему, он меня [понижает голос]: «Сука ты, и б**дь»*), эллипсис (*Курочка в гнезде, а яичко... [не договаривает при собирателе обценное слово в поговорке]*) и эвфемистические замены посылов, содержащих мат².

Заметим, что при употреблении диалектной ЯЛ обценных средств не выявлены многие функции, типичные для мата в городском просторечии [11. С. 20]. Дискурсивный материал свидетельствует, что они не используются носителем традиционного говора с целью обозначения понятий сексуальной сферы, не выражают необценных смыслов, не выступают в роли семантически опустошенных частиц, участвующих в процессах текстообразования.

Если слова или поступки окружающих вызывают у ЯЛ сильное недовольство, злость, раздражение, желание использовать мат сдерживается ею. Речевое поведение информанта отличается высоким уровнем самоконтроля как с собирателем, так и с односельчанками: *[рассказывает диалектологу:] А у Ленки зубы заболели. Они пришли, Аня [мать Лены] пришла... <...> «Это... деньги займи нам? Может, де'тски получим, ли каки'-нибудь». Закололи... так бы измате-*

ри'лся, Катя, ей-богу! Де... закололи поросят-то таких больших – на' два миллиона, всё равно кучка [денег]! И дали... и увезли: ви'дик купили, и это, такой, телеви'зер новый купили. <...> И ко мне по деньги пришли – всё-то не отда'ли!; [в диалоге с соседкой:] В.П. Сергей да'йче говорил, что операцию предлагают ей. Голову долбить. А.П. Не-ет, это... Не надо ей соглашаться. Надо чё-то так какое-нить лечение, да к бабкам от попробовать ешо. <...> В.П. Каки' бабки, каку'... прости бог, по-ма'терну сматерилась бы – кого изде'лашь, если киста narosла – кого бабки изде'лают?

Для выплеска негативных чувств при этом могут быть использованы сниженные необценные языковые средства.

2. **Бранная необценная лексика и фразеология** понимаются как «слова и выражения, содержащие резкую обобщенную неодобрительную оценку объекта номинации» [17. С. 5]. Они занимают в идиолексиконе диалектной ЯЛ значительно большее место, чем обценнизмы.

В «Полном словаре...» [13] с пометой «бранное» даны около 60 ЛФЕ в отдельно взятых значениях. Такие единицы являются неодобрительными или осудительными наименованиями человека, нарушающего представления об этических нормах (*алка'и* «человек, злоупотребляющий спиртным»), *двухвостка* «изворотливая, ленивая женщина», *проходимец* «недобросовестный, не заслуживающий доверия человек»...), а также не конкретизированными обозначениями негативного отношения к кому-либо (*про'пасть*, *паразит*, *стрекули'ст*, *позо'рник*, *издева'тель* и др.). Около 40% необценных сниженных элементов идиолексикона ЯЛ составляют языковые средства чужой речи.

Во многих случаях эти наименования являются переносными от исходных лексико-семантических вариантов, обозначающих представителей животного мира (*гад*, *змея*, *двухвостка*, *паразит*, *свинья*, *собака*, *сука*, *сучка*, *кобель*, *сучка меделя'нска*), болезни (*холера*, *паду'ча*³), людей, находящихся на низшей ступени социальной лестницы (*каторжный*, *варна'к*, *сволочь*⁴), что-либо малоценное, отходы, грязь (*барахло*, *мусор*, *пакость*).

Слова и фразеологизмы рассматриваемой группы отличаются значительной степенью сниженности. Ограничения касаются вербализации инвектив в присутствии объекта оценки. Обращает на себя внимание редкое, в отличие от обценнизмов, проявление метаязыковой рефлексии в отношении этой категории ЛФЕ.

Бранные единицы в чей-либо адрес преимущественно используются ЯЛ заочно при комментировании аморальных поступков или нарушения норм поведения, выполняя оценочную функцию: *Сматался тут к одной [муж]. Шу'стра была. Варна'к, да и только; [Муж выгнал жену.] От барахло какой, а! От худой кара'хтер у него; Убил её, и подлец какой; Девочку... уташишь там фулога'н и изнасиловал и задушил её там в обчежи'тии – слышали? <...> Ну чё там такой ребёночек, это же наси'льство, это же что такое-то? Это... собаки, хуже собак. Гады; Уме'т всё делать, ну ленивый, холера. Взял бы да замазал [печку].*

При включении в речь бранных элементов интонация обычно неодобрительная или осудительная, однако в некоторых ситуациях она меняется на беззлобную, почти нейтральную: *Хотел прийти [заболевший племянник], и не идёт, сволоочь. [Коля?] Ну. Я говорю: «Я заварю тебе [зверобой для лечения], ты приходи»; Ф.Г. Маньку-то не при тебе она крапивой чехво'стила? В.П. Кого? Ф.Г. Машку. В.П. Ма'леньку? Ф.Г. Ну. (...) В.П. Пошто'? Ф.Г. На дорогу лезла. В.П. От сволоочь, сволоочь дак сволоочь.* Нейтрализация просодических показателей сниженности происходит, когда говорящий оправдывает того, кто должен вызвать порицание; так, в первом из приведенных примеров это связано с болезнью, во втором – с малолетним возрастом порицаемого.

Изредка бранная лексика может использоваться и с позитивной оценкой как средство выражения восхищения (*о пойманном зверьке:*) *Ну, хыть на комо'ду ставь! То блестя'шиша, то чёрна-пречёрна! И. гла'вно, тут бе'ла, а тут как вроде бантик. И лапки бе'леньки. Ну така' красива, холера*, а также удивления и одобрения (*о маленьком ребёнке:*) *«Почему, гыт, не до'ржишь коровку? – вот сволоочь какой, а! – А дядя Коля же держит»*).

Специфичным является функционирование в идиоме лексемы *чёрт*. Для обозначения конкретной персоны, вызывающей недовольство, оно встречается нечасто: *А теперь Ельцина уберут – опе'ть какого-то чёрта поста'вят, всё равно; «У меня, гыт, конфеты есь, сахар есь, дрожжи есь, вы мне изде'лайте [брагу]». – «У-у, что ты, что ты! Потом чё мне, в тюрьму садиться?» Господи, господи! Надо же! Чёрт привязался.* В то же время в состоянии сильного раздражения, негативной оценки чьего-либо поступка частотность употребления этой единицы в речи информанта резко возрастает. Такие текстовые фрагменты насыщаются фразеологизмами с компонентом *чёрт*, а также свободными словосочетаниями с глаголами, подразумевающими нежелательные действия субъекта. Иллюстрацией к этому утверждению может служить, например, монолог В.П., расстроенной тем, что родственник окучил картофель несколькими семьям знакомых и сделал это, как она предполагает, некачественно: *Надо же. Выпил, наверно, пошёл. Пьяный же он. <...> Поди, выворотил картошки, да всё. Чужи' – зачем брался, кто просил? кой чёрт? А три-то ряда Валька-то и так бы окучили, без него бы. Чёрт везде суётся. <...> Ну надо же, я прямо расстроилась. Ну чёрт ли чё ли его пихнул туды? ехать. Завалил траву всю. Да мне не гля'нется: ну зачем чёрт поташишь на крошко'вы картошки? за каким чёртом? Сидит, всё делать надо, чтобы всё итломи'лось, чтобы по'дали [выпить]!*

Инвективная насыщенность текста служит средством разрядки психологического напряжения. Отметим, что такие фрагменты дискурса нехарактерны для диалогического общения ЯЛ с объектом оценки. Зафиксированы несколько аналогичных развернутых реплик информанта при контактах с младшими родственниками, которых В.П. считает себя вправе поучать, но в этих случаях высказываний с упоминанием *чёрта* значительно меньше.

Используется информантом необсценная брань и при передаче чужой речи – в рассказах о жизни родни и знакомых, деревенских новостях, речевом жанре воспоминаний: *«Это, вражи'на-то: посылала по хлеб – не пошёл, – на Кольку. – Вражи'на, вражи'на!» [передает слова жены о муже]; Купаться летом убегу это <...> Она [мать] на' берег вы'дет: «Сучка медея'нска, айда! Чё ты карто'шки не подбива'шь?»; А свой мальчик, четыре годика от ему было... четыре, в а'лгусте... отца зовёт «милиционер вонючий». Я говорю: «Дак это ра'зе можно так звать?» (метатекст подчеркивает грубое нарушение нормы общения детей с родителями). Цитатное употребление передает не только лексические средства других лиц, но и нередко имитирует бранные интонации участников ситуации. Среди примеров есть неосвоенные говорящим инвективы: *[приводит слова односельчанки, поругавшейся с бывшим мужем:] «Де Лёшка? Чё он не отдал [мне ребёнка]?» – ну там как зовут-то – бедара'с, ли кто ли? Как-то это ругаются-то? Я дак не могу выговорить даже.* Данный контекст показывает, что даже при осознаваемой говорящим неточности воспроизведения лексемы он считает нужным сохранить ее в общей канве повествования.*

Эпизоды, в которых бранная лексика употребляется ЯЛ при непосредственном контакте с адресатом, немногочисленны. Отмечены в основном случаи, где инвективы вербализуются информантом для оценки в речевом жанре упрека, вызванного нарушением поведенческих норм – взаимопомощи, имущественных прав, дружественного речевого общения и т.д.: *А я да'йче выговорила [сестре племянника, которая не помогла В.П. в ремонте бани]. Я говорю: «Сколько вы мылись у меня, год, больше ведь мылись в бане-то?» Я говорю: «Ну, бесч'ётник» [о племяннике] – вроде его ругаю; Она: «Ну семь ли девять ли, восемь ли [тюльпанов] я сорвала [в огороде В.П.], не знаю, сколько. Я тебе, бабулька, деньги отдам. Я: «На чёрта мне твои деньги». Я говорю: «Бессо'вестны-то каки'», говорю. Ага. – «Ну не ругайся, не ругайся»; Ну наши [о родственнике] рабо'тат, ну ка'жний день тоже выпьет всё помале'ньку, кружечку да выпьет – ну надо же такому! Я говорю: «Ты чё? Ты дурачок ли чё ли? Ты не пей!»; Я говорю ей [сварливой соседке]: «Ты колючка!» В глаза говорю. «Прям колючка, ка'жнего человека ука'льываешь». В последнем примере акцентировано нарушение нормы речевого этикета – употребление слова с пейоративной оценкой «в глаза».*

Несмотря на отраженное в таких лексемах неодобрение или осуждение чьих-либо поступков (чем сильнее негативная коннотация, тем сниженнее слово), ЯЛ может использовать разные приемы смягчения отрицательной оценки собеседников. В качестве таких приемов отмечены намек (ругая болевшего племянника *бесч'ётником*⁵, она фактически адресует упрек в отсутствии помощи его жене и взрослым детям), генерализация (озвучивается форма множественного числа *бессо'вестны* при обращении к единственной виновнице кражи) и выбор инвективы с уменьшительно-ласкательным суффиксом в сочетании с риторическим вопросом, снижающим категоричность утверждения (*Ты дурачок ли чё ли?*).

Агрессивное использование бранной лексики в функции оскорбления адресата отмечено только в высказываниях, связанных с уходом мужа к более молодой односельчанке: *Я... мы поехали со Степаном, а куды' поехали – не знаю. <...> А она идёт, а мы её догнали, она только из дома пошла. Поди, на сено, наверно, поди. А он уж с ей таскался. А я это... догнали её, мале'нько стали обгонять-то – он на той стороне телеги, а я на этой. А я: «куть-куть-куть-куть-куть!» – на её. «Сучка, сучка!» Ага. И он ничё мне не сказал. [И она?] И она ничё, угу. Реакцию мужа и «разлучницы» можно считать косвенным свидетельством признания в народно-речевой культуре права на оскорбление лиц, разрушающих одну из главных ценностей этой культуры – семью.*

Гораздо свободнее, чем по отношению к людям, диалектная ЯЛ использует бранные единицы для характеристики представителей животного мира – от собак и кошек до мышей и насекомых: *[Пёс укусил:] От каторженный какой! Собака собака и есь; Сволочь, всё перевернёт [кот]. Постылый; Коля принёс котёночка, я его ро'стила, ро'стила, а он убежал, туды' к им уиёл, вот такой паразит; Скребутся, сволочи [мыши]; [свинья съела поросят:] С ума сотти' надо. Собака кака'; [Пытается убить муху:] У, холера! Никак её...; [о мошке:] Вот собаки! Эти лексемы могут быть адресованы непосредственно им: [Кошка просит есть.] Айда', дам... холера; На! Ну что [бы] молоко ись? Пакость. На, паду'ча! [даёт коту мяса]. Такая особенность речевого поведения связана с представлением крестьянки о животных как существах низшего порядка в сравнении с человеком [20. С. 137].*

3. Под **скатологизмами** в лингвистике понимают «слова, связанные с обозначениями телесного низа и физиологическими отправлениями человека» [21. С. 81]. Эта группа языковых средств отчасти пересекается с предыдущей, поскольку в ней есть и бранные элементы; в то же время они во многом не совпадают.

В составе идиолексикона отмечены скатологические лексемы с корнями *говн-, жоп-, зад-, ср/сер-, сс-, пис-, как-, перд-, пук-* и некоторые другие, а также их эвфемистические замены при обозначении физиологических отпращиваний (*сходить на улицу, сходить по-большому, сходить по-маленькому*). С семантикой «низкой физиологии» выявлено 36 таких единиц. С позиций литературного языка данные диалектно-просторечные средства безусловно являются сниженными, но в системе диалекта их квалификация сложнее.

В дискурсивной практике информанта отмечено много случаев употребления скатологизмов без каких бы то ни было показателей сниженности. Говорящий может свободно использовать их для прямого обозначения части тела ниже спины, функций и продуктов выделения мочеполовой и пищеварительной системы: *Сс*т, тряпку нама'чиват [мочой для лечения]; А он пошёл да и в канализацию упал в говно, гыт; Колет [дрова] да перьди'т: пук-пук-пук... Я говорю: «От, до перьдежа' даже, Витя» и др. На первый взгляд кажется, что для носителя диалекта они нейтральны и не имеют ограничений в исполь-*

зовании. Однако более пристальный анализ их функционирования в речи индивида позволяет говорить о том, что скатологизмы также относятся к категории сниженных, хотя степень этой сниженности слабее, чем в предыдущих группах, а ее осознание говорящим носит непостоянный характер.

Обращают на себя внимание замены скатологических лексем с обозначенными выше корнями (а также их дериватов) на менее сниженные синонимы. Наиболее ярко это проявляется в разговорах о маленьких детях и с детьми, где такие замены происходят очень последовательно: *Хорошо говорит [ребёнок]. А не просится. Ни писить, ни какать не просится; А потом писить захотел [двухлетний ребёнок], говорит: «Вера!» Я говорю: «В ведро попи'суй?»; А у ей, гыт, ребёнок обмарался, она блин схватила да, говорит, это блином подтёрла ему задницу-то.*

Если речь идет о взрослых и общении между взрослыми, в высказываниях информанта встречаются и те и другие варианты парадигматических противопоставлений. Однозначно сказать, что именно влияет здесь на выбор того или иного слова, затруднительно. Одним из факторов, вероятно, можно считать отношение говорящего к человеку, о котором идет речь, и описываемой ситуации. Ср.: *Подходят – она [пьяная женщина] валя'тся. Вся обосс*ла'сь, вся мокра'... но: Она [тяжелобольная] вся обмо'чивается, её, видно, ес [«раздражает кожу»] там-ка... Она примется реветь караул.* Следует учитывать и фактор адресата. Запись текстов велась собирателем более 20 лет, и на протяжении этого периода он был постоянным участником общения с исследуемой ЯЛ, постепенно сближаясь с кругом «своих», но все-таки не входя в него до конца. Вместе с тем многие коммуникативные эпизоды отражают одновременное общение В.П. не только с диалектологом, но и его коллегами или родственниками (редко) либо с односельчанами и родней (очень часто). В этих случаях внимание рассказчика могло быть сосредоточено на одном из собеседников, который более активно поддерживает диалог. Влияние таких, иногда разнонаправленных, факторов, как степень близости коммуникантов, уровень образования и речевой культуры адресата, испытываемые к объекту описания чувства адресанта в сложном взаимодействии определяют вербализацию языковой единицы с большей или меньшей степенью сниженности в речи индивида: *А Коля пошёл на улицу – посс*ть ли чё ли, не знаю; Вот ешо у меня го'сья была така'. <...> Приедет, и тоже, ничё не ес. <...> Всё боялась, что... Ну, та ста'ра была, дак мо'жет, из-за то. Скажет: «Попи'суй захочу доро'гой...»; Я захожу в и'збу – и Танька лежит там <...>, жопа го'ла, вся го'ла...; У меня задница уж замёрзла там сидеть, сыра' досточка-то была; Раньше бы хто? Задницу бы вытерли, сходили бы в тувале'т, вот этой книгой [про магию], а теперь <...> пошло'то как всё.*

Как можно видеть, скатологизмы выполняют номинативную функцию.

В присутствии малознакомых городских собеседников наблюдается замена скатологических компонентов на менее сниженные или их эллипсис. Так, при

общении с городской гостьей зафиксирован пропуск сниженного элемента в цитатном употреблении пренебрежительного устойчивого словосочетания со значением «не захочет иметь ничего общего»: «*Он на чёрта её [женщину-инвалида замуж] брал-то?*» – *Лексе'й так Макарыч всё [говорит]. «Ой! Это чё тако', он зачем её брал-то? Да я бы рядом на одной... гектар с ей не сел бы!»*. Этот же оборот информант трансформирует во время разговора с соседкой (возможно, с учетом присутствия собирателя): *В.П. «Скажи Таню'шке: я её ешо давно любил, Таню'шку»*. <...> *Как люди себя ценят-то! мужжики-то. Таню'шка. Она рядом... А.П. Она на тебя не поглядит. В.П. ... рядом какать не сядет*. Ср. также: *Ни спасибо, ни насери'л, говорю. Пихнул [деньги] и пошёл. Жалко, трезвому-то отдавать [долг] (в близком круге коммуникантов) – Конфеты купили. А я и забыла про конфеты. Ни спасибо, как говорится... [смеётся, не договаривая поговорку]. Спасибо (при гостях из города)*.

Сниженность народной афористики подтверждается также метаязыковыми маркерами-извинениями говорящего и реакцией на магнитофонную запись: «*У него всё, всё гыт разболталось там [электропроводка], всё болта'тся, нигде ничё, – ничё не де'лат, гыт, он», – на Гену, эта, Лариса. Они хо'дют... И жрать только любит сладко, а ср*ть гладко, – уж прости меня, сказала-то я, ты поди тут пишешь*.

Среди производных от скатологизмов дериватов и фразеологизмов много единиц с негативно-оценочной коннотацией, обозначающих характеристики, эмоции и действия человека (*куча говна «об очень больном, немощном человеке», как по заднице серпом «о том, что неприятно уязвило кого-л., наср*ть «выражает полное безразличие, пренебрежение к кому-чому-л., спихнуть, как говно с лопаты «избавиться от кого-л. нежелательного», подкакать «навредить кому-л.» и др.*), часть из которых могут функционировать как бранные необцененные номинации (*говно «плохой, недостойный человек», засранка «неряшливая, нечистоплотная, ленивая женщина», хи'тра жопа «хитрый, расчетливый человек»* – в двух случаях из трех это цитатное употребление речи других лиц) или как злопожелания, представляющие особый тип сниженных словосочетаний.

4. В составе сниженных языковых средств лексики диалектоносительницы выделяется отдельная группа **злопожеланий** – относительно устойчивых выражений желательности осуществления чего-л. негативного для объекта вследствие его действий, в том числе речевых. Н.И. Толстой относит злопожелания к «народной полуфразеологии» [22. С. 24–25], поскольку они, хотя и соотносятся с несколькими структурными моделями, вариативны по форме, а буквальные смыслы, как правило, не совпадают с реальными. В дискурсе информанта зафиксировано 36 таких оборотов; 22% из них относятся к сфере чужой речи.

Ограничения вербализации этих сниженных единиц проявляются прежде всего для злопожеланий с компонентами мата (являющихся одновременно обсценизмами). Информант старается избегать их. За-

фиксирован единичный пример дословного цитирования обценного выражения в речи ребенка: *Он меня дак ненавидит*. <...> «**Еб*т твою мать**», *гыт, ага*. В остальных случаях при воспроизведении чужой речи табуированные элементы последовательно эвфемизируются: *Валя говорит: «Ты на кого дом подпишешь?» Она гыт: «На Колю»*. – «*Раз на Колю подпи'сываешь, я тебя – туды'-то... подальше*. <...> *Я ничё не буду делать, ничё, пусть разва'ливается всё!»; «Я, гыт, как об стол трахнула! Выметаите'сь к такой-то матери!»; Лезет на ковёр, я говорю: «Ты иторвёшь у меня ковёр, Олежка!» <...> А он гыт: «Пошла ты... на' три буквы» – на меня*.

Второе ограничение связано с ситуацией употребления злопожеланий в адрес конкретного индивида при личном контакте с ним. Большинство негативных пожеланий вербализуются как заочный комментарий: *Бе'дна Людмила Гевор'гевна, шапочку-то потеряла [об украденном]*. <...> **Чтобы ему руки отпали**, *тому человеку бы; Картошки из погреба [в войну] выгребли все до капельки... Ой, сволочи-то каки' были, это стройбат был, чтобы им ни дна бы ни покрышки!*

В диалогическом общении наблюдаются следы речевого контроля, когда злопожелание проявляется в сфере внутренней речи (на что в рассказе ЯЛ указывает маркер *думаю*): «*Займи мне пишся'т тысяча!*» – *о'споди, как будто бы у меня ба'нок какой-то! Я говорю... а у меня есь. Я говорю: «У меня нету столько»*. <...> *А думаю: да ну их к чёрту. Где-нибудь ешо возьмёшь*. Отмечены также «реплики в сторону», произносимые в присутствии объекта злопожелания так, чтобы он не слышал: *О, хоть бы чёрт тебя утаишил!* [*говорит о пришедшем в дом очень пьяном мужчине*].

Значительно реже зафиксировано употребление негативных пожеланий при коммуникативном контакте «в глаза». Как правило, оно наблюдается в ситуациях конфликта, ссоры. В таких диалогах сниженные средства служат для открытого выплеска эмоций, разрядки психологического напряжения: *Н.Н. Бабуся! В.П. Кого? Н.Н. Ну бутылочку [водки] дай! В.П. Да ну тебя в ср*ку! Чё, тебя успокоишь этой бутылочкой?* <...> *Не дам, никого не дам, у меня никого нет; Он [муж] смотался [к другой женщине]*. <...> *А я стала ворчать, правда – тоже буду ра'зе молчать? Тоже... тоже молода' была да... всё-даки не ста'ра, 40 там с чем-то лет мне было*. <...> *Тоже: «Убирайся к чёрту! Да ты иди к чёрту!» Он придёт но'ччу там-ка, налюбуется да придёт, а я: «Уходи к чёрту совсем туды', иди!»*

В некоторых случаях злопожелание выражает более смягченный, чем агрессивная реакция при ссоре, упрек: *Ленка пришла, у их был день рожденья, она пришла ко мне. Это, как его, мулин'эз, ли как ли называют. Взяла баночку*. <...> *А потом лежу – идут по скамейку. Ну, это всё тако'... всё, думаю. Идут по стопки. Идут по тарелки. И – то всё брали, то то, то друго', всё брали... <...> Лена приходит: «Баб! Соли мне дай». Я говорю: «Ну-у, ядри'т твою мать! У вас и соли нету?» <...> Ой, – я говорю, – это чё тако'-то?» И вот подишылала – то ли 10 пре'дме-*

тов, то ли больше они ко мне приходили. Ну это, всё... Всё – то идут «дай», друго' «дай», то третьё, то четвёрто... Я всё думаю... да ешо по соль пришли вечером! – о'споди, о'споди! Я говорю: «Ну, ядри'т твою мать-то!» В глаза ей сказала. Показательно, что подобные высказывания ЯЛ отмечены только при коммуникации с самыми близкими родственниками.

Проявления речевой агрессии через злопожелание, направленные непосредственно на адресата, допускаются также по отношению к домашним животным. Чаще всего такие высказывания звучат по отношению к кошке или когу, требующим еды или внимания: *Да итвяжси'сь ты! К чёрту!*; *Брысь отцэ'дова, ню'хатся ходит! У, я'зви тебя, посты'лу!*

Устойчивые «полуфразеологические» единицы восходят к древним представлениям о магической силе слова и реализации того или иного возмездия, которого заслуживает, по мнению говорящего, объект недоброго пожелания. В дискурсе ЯЛ наиболее частотны злопожелания с мифологическими образами нечистой силы (*подь он к чёрту, к чёртовой матери*), сексуальные мотивы с обсценными элементами (*е*ит твою мать*) и их эвфемистическими заменами, мотивы насылания болезни (*я'зви тебя, холера с ём*), реже встречаются мотивы телесного низа (*пошли они в ср*ку, в жопу носом*), единичны инвективы с причинением ущерба хозяйству (*чтоб у вас ничё не родилось* – только при передаче чужой речи), увечья (*чтобы ему руки отпали*) или смерти (*чтоб ты пропал*). Отдельные выражения (*ни дна ему ни покрывки, якорь тебя*) для диалектной ЯЛ десемантизированы.

Изначальный смысл злопожеланий как вербального компонента магических практик в наши дни даже в традиционной народно-речевой культуре стирается, и на первый план в их семантике выходит эмоциональная составляющая. Являясь сниженным языковым средством, в речи индивида они могут различаться степенью сниженности в зависимости от лексического состава устойчивого выражения (с наличием/отсутствием обсценизма), заложенного в нем мотива (ср., например: смерть/болезнь), степени осознания говорящим его мотивированности (мотивированное/немотивированное) и передаваемой эмоции.

Максимально сниженными можно считать недобрые пожелания с обсценными единицами и высказываемые «в глаза» злопожелания с мотивами нечистой силы и телесного низа, редко – смерти (по отношению к домашним животным). Они обычно выражают гнев, раздражение; выплеск речевой агрессии; поддерживаются просодически (интонация, повышенный тон, отрывистость речи): *Да ну вас к чёрту! Если не будешь вино покупать – дам брагу, а будешь – ничё не дам; [коту:] Чтоб ты пропал!* Смерти на тебя нет, про'пасти на тебя нет. Градус эмоциональности слабее, когда злопожелание в адрес конкретного адресата вербализуется заочно. Еще менее сниженными являются «безадресные» выражения, которые могут передавать разнообразные эмоциональные смыслы: обиду (*Мне даже обидно показалось. Ну думаю, якорь тебя*), досаду (*Лежу, лежу, думаю: рано ешо. А [встала – седьмой час. Думаю: господи, ядри'т твою мать! Надо было раньше [встать]*), удивление

(*Они обо'и вза'мужем? Ух ты, я'зви тебя, я думала, ешо ма'леньки*), отстранение (*Коля принёс котёночка, я его ро'стила, ро'стила, а он убежал. <...> Ну его к холере, не надо мне его*) и др.

5. Наряду с перечисленными, в идиолексиконе ЯЛ имеется также небольшая группа из пяти слов, которые являются сниженными на фоне нейтральных или более смягченных эквивалентов в синонимических рядах. К их числу относятся *су'чить* «изменять супругу» – ср. *бегать; снюхаться* «вступить в любовную связь» – *смотаться, связаться; полюбовник* – *друг; сдохнуть* «умереть (о человеке)» – *помереть, умереть, пропа'сть, скovyрну'ться, спечья; нажратся* «напиться допьяна» – *напиться*. Степень сниженности таких единиц незначительная. Регулярных ограничений их употребления в присутствии диалектологов не отмечено; спорадически наблюдались метатекстовые показатели в виде замены лексем (*У ей был муж. Не муж, а... ну полюбо'вник, верне'... друг. Она ребёнка прижила от него*) и прямой оценки грубости слова (*А бабёнка беспу'тна тоже, она и счас бе'гат су'чит, бе'гат без ума. Вы уж это не пишите, слово то худо'*). В большинстве парадигматических противопоставлений сниженные компоненты выполняют оценочную функцию, обозначая нарушение поведенческих норм, и чаще всего соотносятся с областью животного начала.

Таким образом, в идиолекте языковой личности выделяется пласт сниженных языковых средств, в состав которых входит несколько групп. Количественно эта часть лексикона составляет незначительную долю в словарном запасе индивида – менее 1% от его общего объема. К ядерной зоне таких элементов – и по числу единиц, и по их функциональной нагруженности – относятся бранные необсценные, к периферийной – отдельные компоненты синонимических рядов; обсценизмы, скатологизмы и злопожелания занимают промежуточное положение между ними. Границы групп не вполне четкие, наблюдаются частичные наложения.

Степень сниженности инвектив в словарном запасе сибирской крестьянки неодинакова. Максимально сниженными в силу своей табуированности являются обсценизмы. Необсценная брань осознается информантом как менее сниженная; в остальных группах ЛФЕ сниженность является непостоянной величиной в зависимости от влияющих на коммуникацию факторов.

Отметим многообразие интенций, передаваемых сниженными средствами. Их использование адресантом с целью оскорбления человека встречается крайне редко; более частотна (но только у скатологизмов) номинативная функция; еще чаще они служат для достоверной передачи чужой речи или разрядки психологического напряжения. Доминирующей можно считать оценочную функцию: бранная необсценная лексика реализует негативную оценку непосредственно, остальные сниженные слова и выражения передают ее косвенно (предмет оценки при этом представлен в контексте).

Дискурс диалектоносительницы отражает высокий уровень контроля при вербализации сниженных элементов, множественные приемы смягчения их ненормативности при личных контактах, а также «непри-

своенность» информантом многих языковых средств, связанных исключительно с категорией чужой речи.

Область сниженного находится за пределами нормативного словоупотребления в говоре. В то же время функциональные особенности сниженной лексики и фразеологии свидетельствуют о связях базовых прин-

ципов ее использования с принципами речевого этикета. На эти связи указывают учет говорящим ситуации общения, выбор языковой единицы из ряда вариантов в зависимости от интенции; контролирование речевого потока, предпочтение субъектом менее сниженных единиц более сниженным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Возможность такой коммуникации в гендерно однородном женском коллективе диалектоносителей отмечается Г.М. Ярмаркиной [16. С. 84].

² Примеры даны ниже в разделе 4, где рассматриваются злопожелания.

³ Первичное значение архаизировавшегося обозначения *падучая болезнь* (эпилепсия).

⁴ В двух последних словах мотивированность утрачена. *Варнаком* первоначально называли в Сибири каторжника или бежавшего с каторги [18]. Для слова *сволочь* этимология точно не установлена; по одной из версий, оно восходит к устаревшему обозначению людей низкого звания [19].

⁵ В говоре имеет значение «бессовестный, не порядочный человек».

⁶ Диалектное междометие для подзывания собаки.

⁷ Этот глагол используется в значении «умереть, погибнуть».

ЛИТЕРАТУРА

1. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. *Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы)*. СПб. : Норинт, 2003. 448 с.
2. Матяшевская А.И. *Сниженная лексика в СМИ: классификация, употребление, этнокультурные различия: на материале российских и британских газет* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2014. 23 с.
3. Мандрикова Г.М. *Инвективная лексика в студенческой речи (на примере русского и польского языков)* // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2011. № 1. С. 208–216.
4. Гуц Е.Н. *Ненормативная лексика в речи современного городского подростка* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 1995. 23 с.
5. Третьякова В.С. *Речевой конфликт и гармонизация общения* : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 36 с.
6. Жельвис В.И. *Поле брани. Сквернословие как социальная проблема*. М. : Ладомир, 2001. 350 с.
7. Крюкова И.В. *Речевой акт проклятия и лексико-грамматические средства его осуществления* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. 20 с.
8. Козельская И.В. *Синтаксическая структура и компонентный состав диалектных устойчивых выражений со значением недоброго пожелания как отражение мировосприятия носителей говоров* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2004. 25 с.
9. Маркина Л.В. *Бранные формулы как средство выражения вербальной агрессии в диалектной коммуникации* // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2019. № 7 (140). С. 157–161.
10. Гришанова В.Н. *Устойчивые сочетания со значением недоброго пожелания носителей говора* // Славянский альманах 2000. М., 2001. С. 467–471.
11. Соломина Е.В. *Языковая личность носителя городского просторечия* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016. 23 с.
12. Демешкина Т.А., Дутчак Е.Е. *Социокоммуникативное пространство трансграничья: модель реконструкции культурно-языкового ландшафта Сибири* // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 28–44.
13. *Полный словарь диалектной языковой личности* / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006–2012. Т. 1–4.
14. Иванцова Е.В. *Метаязыковое сознание диалектной языковой личности* // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н.Д. Голев. Ч. 1. Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 321–356.
15. Шарифуллин Б.Я. *Обсценная лексика: терминологические заметки* // Речевое общение. 2000. Вып. 1 (9). С. 108–111.
16. Ярмаркина Г.М. *Русская устная речь современного сельского жителя как носителя народно-речевой культуры* // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 3. С. 80–99.
17. *Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы* : справ. пособие / под ред. И.А. Стернина. Ярославль : Канцлер, 2013. 80 с.
18. *Толковый словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Сов. энциклопедия; ОГИЗ, 1935–1940.
19. Ефремова Т.Ф. *Современный толковый словарь русского языка* : в 3 т. М. : Астрель; АСТ, 2006.
20. Иванцова Е.В. *К вопросу о стилевой стратификации дискурса носителя традиционного говора* // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2003. Вып. 2, ч. 1. С. 135–146.
21. Матвеева Т.В. *Полный словарь лингвистических терминов*. Ростов н/Д : Феникс, 2010. 561 с.
22. Толстой Н.И. *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. М. : Индрик, 1995. 509 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 июля 2021 г.

Substandard Units of the Language Landscape of the Middle Ob Region: Composition and Functioning in the Speech of the Traditional Dialect Speaker

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 5–13.

DOI: 10.17223/15617793/469/1

Ekaterina V. Ivantsova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekivancova@yandex.ru

Keywords: substandard vocabulary and phraseology; Middle Ob region; language landscape; dialect language personality.

The study was carried out under the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia, Project No. 0721-2020-0042.

The aim of the article is to analyze the composition and functioning of substandard vocabulary and phraseology in the speech of a dialect language personality. The sources of the material are the author's archive of records of the spontaneous speech of a Siberian peasant woman (1981–2004) and a dictionary that reflects her vocabulary. The layer of substandard units of the dialect speaker was distinguished on the basis of the signs: (1) the speaker's expression of disapproval of someone or something, (2) the rudeness of the word used, and (2) the violation of the etiquette norm. Metatexts (judgments about the norms of word use, assessment of units) and hidden meta-indicators (prosodic signs, ellipsis of a substandard element, replacing it with a normative word or euphemism, apology formulas, etc.) facilitated the identification of substandard vocabulary in the speech of the dialect speaker. The limitations of the

substandard vocabulary use when communicating with different types of interlocutors were also taken into account. It was found that substandard elements make up an insignificant share in the vocabulary of the individual – less than 1% of its total volume. The nuclear zone of such elements – both in terms of the number of units and their functional load – includes abusive, non-obscene words; the peripheral zone includes individual components of synonymous series; obscenities, scatologies, and ill-wishes occupy an intermediate position between them. The degree of the substandardness in invectives in the idiolect of the peasant woman is not the same. Obscenisms are the most substandard. The informant perceives non-obscene abusive words as less substandard; in other groups, the substandardness is a variable value depending on the factors influencing communication. The intentions expressed by substandard words are manifold. The addressee uses such words for insulting a person extremely rarely; more frequent is their use for a nominative function; even more often they are used to reliably convey someone else's speech or to release psychological tension. The evaluative function can be considered the dominant one: abusive non-obscene vocabulary implements a negative assessment directly, the rest of the substandard words and expressions convey it indirectly, through the context. The discourse of the dialect speaker reflects a high level of control in the verbalization of substandard nominations, multiple methods of mitigating their abnormality in personal contacts, as well as the informant's "non-appropriation" of many means associated exclusively with the category of someone else's speech. The area of the substandard is outside the normative word use in the dialect. At the same time, the functional features of substandard vocabulary and phraseology indicate the links between the basic principles of their use with speech etiquette. These connections are indicated by the speaker's consideration of the communication situation, the choice of a linguistic unit from a number of options depending on the intention, control of the speech flow, the subject's preference for less substandard units to more substandard ones.

REFERENCES

1. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2003) *Slovar' russkoy brani (matizmy, obstsensizmy, evfemizmy)* [The Dictionary of Russian Swearing (Matizms, obscenisms, euphemisms)]. Saint Petersburg: Norint.
2. Matyashvskaya, A.I. (2014) *Snizhennaya leksika v SMI: klassifikatsiya, upotreblenie, etnokul'turnye razlichiya: na materiale rossyiskikh i britanskikh gazet* [Substandard vocabulary in the media: classification, usage, ethnocultural differences: based on the material of Russian and British newspapers]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.
3. Mandrikova, G.M. (2011) *Invective words in the speech of students (on the material of the Polish and Russian languages) Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki*. 1. pp. 208–216. (In Russian).
4. Guts, E.N. (1995) *Nenormativnaya leksika v rechi sovremennogo gorodskogo podrostka* [Profanity in the speech of a modern urban teenager]. Abstract of Philology Cand. Diss. Omsk.
5. Tret'yakova, V.S. (2003) *Rechevoy konflikt i garmonizatsiya obshcheniya* [Speech conflict and harmonization of communication]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
6. Zhel'vis, V.I. (2001) *Pole brani. Skvernoslovie kak sotsial'naya problema* [The battlefield. Profanity as a social problem]. Moscow: Ladomir.
7. Kryukova, I.V. (2011) *Rechevoy akt proklyatiya i leksiko-grammaticheskie sredstva ego osushchestvleniya* [The speech act of cursing and lexicogrammatical means of its implementation]. Abstract of Philology Cand. Diss. Stavropol.
8. Kozel'skaya, I.V. (2004) *Sintaksicheskaya struktura i komponentnyy sostav dialektnykh ustoychivyykh vyrazheniy so znacheniem nedobrogo pozhelaniya kak otrazhenie mirovospriyatiya nositeley govorov* [Syntactic structure and component composition of dialect stable expressions with the meaning of an unkind wish as a reflection of the worldview of speakers of dialects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Orel.
9. Markina, L.V. (2019) *Swear formulas as a means of expressing verbal aggression in dialectal communication. Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Filologicheskie nauki – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences*. 7 (140). pp. 157–161. (In Russian).
10. Grishanova, V.N. (2001) *Ustoychivye sochetaniya so znacheniem nedobrogo pozhelaniya nositeley govora* [Stable combinations with the meaning of the unkind wishes of the dialect speakers]. *Slavyanskiy al'manakh. 2000 – Slavic Almanac. 2000*. pp. 467–471.
11. Solomina, E.V. (2016) *Yazykovaya lichnost' nositeley gorodskogo prostorechiya* [Linguistic personality of the bearer of urban vernacular]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.
12. Demeshkina, T.A. & Dutchak, E.E. (2020) *The Socio-Communicative Space of Transboundary Areas: A Reconstruction Model of the Cultural and Linguistic Landscape of Siberia. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 28–44. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/67/2
13. Ivantsova, E.V. (ed.) (2006–2012) *Polnyy slovar' dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Complete Dictionary of Dialect Linguistic Personality]. Vols 1–4. Tomsk: Tomsk State University.
14. Ivantsova, E.V. (2009) *Metazykovoe soznanie dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Metalinguistic consciousness dialect language personality]. In: Golev, N.D. (ed.) *Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary Metalinguistic Consciousness: The ontological and epistemological aspects]. Pt. 1. Kemerovo; Barnaul: Altai State University. pp. 321–356.
15. Sharifullin, B.Ya. (2000) *Obstennaya leksika: terminologicheskie zametki* [Obscene vocabulary: terminological notes]. *Rechevoe obshchenie*. 1 (9). pp. 108–111.
16. Yarmarkina, G.M. (2019) *Russian oral speech of a modern rural resident as a carrier of folk speech culture. Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN – Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 3. pp. 80–99. (In Russian). DOI: 10.22162/2587-6503-2019-3-11-80-99
17. Sternina, I.A. (ed.) (2013) *Osnovnye ponyatiya lingvokriminalisticheskoy ekspertizy* [Basic Concepts of Linguocriminalistic Expertise]. Yaroslavl: Kantsler.
18. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; OGIZ.
19. Efremova, T.F. (2006) *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Astrel': AST.
20. Ivantsova, E.V. (2003) [On the question of the stylistic stratification of the discourse of the traditional dialect bearer]. *Aktual'nye problemy rusistiki* [Actual Problems of Russian Studies]. Proceedings of the International Conference. Vol. 2. Pt. 1. Tomsk. 21–23 October 2003. Tomsk: Tomsk State University. pp. 135–146. (In Russian).
21. Matveeva, T.V. (2010) *Polnyy slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete Dictionary of Linguistic Terms]. Rostov-on-Don: Feniks.
22. Tolstoy, N.I. (1995) *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike* [Language and Folk Culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik.

Received: 12 July 2021